

Концерт «Три Вены»
в Малом зале Консерватории

Трехвековое непрерывное кино

1925-2006-23 94-
с 25.

Илья Овчинников

Огромная часть музыкального наследия XX века, давно ставшая классикой во всем мире, не прижилась у нас до сих пор. Имена Шенберга, Берга, Сати, Пуленка, Онеггера, Айвза, Хиндемита и многих других композиторов первой величины и по сей день встречаются на московских афишах крайне редко, не говоря уже о мастерах следующих поколений. Ни музыканты, ни составители концертных программ не хотят рисковать, и это по-своему понятно: о каком Шенберге может идти речь, если даже имя Шостаковича отпугивает изрядную часть покупателей филармонических абонементов? Между тем один из возможных механизмов пропаганды современных сочинений несложен и хорошо известен — речь о соединении «новой» музыки со «старой» в разум-

ность между романтизмом и экспрессионизмом: Шенберг, Шуберт, Берг и Брамс в этом смысле — просто идеальная последовательность. Струнный секстет Брамса соль мажор должен был завершать программу, однако сделанное изменение пошло ей исключительно на пользу: последним номером стал брамсовский же Квинтет для кларнета и струнных (в исполненной версии ведущим инструментом был альт). Своеобразная арка, перекинутая от Шенберга к Брамсу, напомнила о том, как ценил основатель новой венской школы своего великого предшественника: на примере его сочинений Шенберг преподавал мастерство инструментовки, а в 1937 году оркестровал фортепианный квартет Брамса. И ранний секстет Шенберга «Просветленная ночь», который автор считал ключом к собственному творчеству, восходит как раз к позд-

ной пропорции. И если самые что ни на есть классические произведения ненавязчиво прослоены парой опусов двадцатого столетия, то интерес публики может оказаться одинаково высоким в течение всего вечера.

Удачным примером такого рода стала программа «Три Вены: классицизм, романтизм, экспрессионизм», которую представил Юрий Башмет с помощью Ксении Башмет, Евгения Петрова и участников ансамбля «Солисты Москвы». Берг сопутствовал Брамсу, а Шенберг звучал в обрамлении Моцарта и Шуберта. Порядок концерта соответствовал изложенному выше рецепту, пожалуй, даже чересчур: весьма компактные сочинения XX века едва не затерялись среди развернутых полотен предыдущих эпох. Открывший вечер Квартет Моцарта для гобоя, скрипки, альта и виолончели фа мажор был исполнен несколько торопливо и небрежно, а солирующий гобой на фоне других инструментов звучал достаточно неуверенно. Как ни кощунственно говорить об этом в юбилейные дни, но именно Моцарт прозвучал как самый необязательный композитор программы.

Думается, без Моцарта вечер лишь выиграл бы в цельности, убедительно отразив преемствен-

ним сочинениям Брамса: в частности к прозвучавшему Квинтету, который превосходно сыграли Юрий Башмет и четверо из «Солистов Москвы».

Впрочем, Шенберг был представлен сочинением, не имевшим уже ничего общего с романтизмом. Если слушателей начала века шокировали даже первые постро-мантические опусы Шенберга, то трудно даже представить себе, что они сказали бы о поздней Фантазии для скрипки и фортепиано. Восьминимутная Фантазия прозвучала как квинтэссенция экспрессионизма, где изломанность и угловатость соседствуют с проникновенной лирикой. Шуберт и Берг также предстали в весьма любопытном диалоге — хрестоматийная соната «Арпеджионе» предваряла Адажио Берга для скрипки, кларнета и фортепиано. Атональная музыка, написанная далеко не романтическим языком, в блестящем исполнении Сергея Ломовского, Евгения Петрова и Ксении Башмет поразила истинно шубертовской красотой, при которой вопрос о языке уже не так важен. И если в программе «Три Вены» картина триединства эпох все же не сложилась, то романтизм и экспрессионизм оказались куда ближе друг другу, чем это можно себе представить.